

Все члены Минской религиозной общины МОСК осознают важность и необходимость образования, о чем свидетельствует наличие у большинства вайшнавов одного, двух и даже трех дипломов о высшем образовании.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь члены Минской религиозной общины МОСК принимают на себя полную ответственность за исполнение государственных обязанностей и соблюдение законности, как граждане Республики Беларусь. В случае заболеваний, рождения и смерти члены минской религиозной общины МОСК, как и все цивилизованные люди, нуждаются в получении необходимой медицинской помощи и принимают ее.

Общество сознания Кришны в Беларуси достаточно активно функционирует в медиапространстве Интернета. Кришнаиты имеют свой официальный сайт, системно ведут работу в рамках практически всех социальных сетей, популярных в белорусском обществе, имеют свой YouTube-канал, где представлен видеопроduct разной направленности: от элементов богослужений и проповедей до открытых лекций, посвященных отдельным блокам вероучения [9].

Заключение. Белорусское общество сознания Кришны существует и развивается на территории нашей страны как самостоятельная институция, хоть и в рамках идейно-философского и вероучительного пространства МОСК. Белорусские кришнаиты ведут развернутую миссионерскую работу, непосредственно привлекая людей через публичное проведение праздников, а также опосредованно через Интернет. В основном людей привлекает в кришнаизме оригинальность вероучения, экзотичность обрядово-культурной стороны этой конфессии. При этом, как мы видим, на сегодняшний момент кришнаизм не является многочисленной конфессией в нашей стране. Причина этого в том, что данная конфессия не является традиционной для белорусской культуры, а белорусское общество в вопросах веры старается соблюдать традиционные устои если не на уровне глубокого понимания своей христианской традиции, то на интуитивном уровне.

Список цитируемых источников

1. Гурко, А. В. Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи / А. В. Гурко. — Минск : МИУ, 2006. — 276 с.
2. Мартинович, В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция : материалы к изучению нетрадиционной религиозности / В. А. Мартинович. — Минск : Изд-во МинДА, 2015. — 560 с.
3. Осипов, А. И. Духовность. Традиция. Патриотизм / А. И. Осипов. — Минск : МНО, 2001. — 100 с.
4. Дворкин, А. Л. Сектоведение: тоталитарные секты. Опыт систематического исследования / А. Л. Дворкин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Н. Новгород : Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 2003. — 791 с.
5. Мартинович, В. А. Нетрадиционная религиозность в Республике Беларусь / В. А. Мартинович // Социология. — 2016. — № 2. — С. 77—87.
6. Елизаров, Д. С. Проблема религиозно-философской и исторической преемственности международного общества сознания Кришны / Д. С. Елизаров // Весн. МДУ ім. А. А. Куляшова. — 2007. — № 4 (28). — С. 47—52.
7. Основы вероучения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newjaipur.narod.ru/osnow.htm>. — Дата доступа: 15.04.2019.
8. Карасёва, С. Г. Значимость религии в белорусском обществе: оценка верующих / С. Г. Карасёва, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2018. — № 2. — С. 49—70.
9. Международное общество сознания Кришны в Беларуси. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://krishna.by>. — Дата доступа: 15.04.2019.

УДК 299.572(48+476)

А. И. Грибовская, Е. В. Лесина

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СКАНДИНАВСКОЕ И БЕЛОРУССКОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО: ОБЩЕЕ И ОТЛИЧНОЕ В ИСТОРИИ, ДОКТРИНЕ И КУЛЬТЕ

Введение. В течение последних десятилетий неоязыческое движение приобрело заметную популярность не только в странах СНГ, но и в западном мире, закономерно став объектом внимания исследователей разных дисциплинарных направлений: религиоведов, филологов, историков, философов. Актуальность проблемы неоязычества можно обосновать тем, что язычество — одно из самобытных оснований этнокультуры восточно-славянских, а также скандинавских народов, ее архаичный феномен, уходящий в глубь веков. Неудовлетворенность культурой в ее нынешней форме все чаще приводит к возрождению из пепла отживших, забытых религиозно-мировоззренческих взглядов и верований, а на ее основании — появлению новых.

Для лучшего понимания вопроса следует разобраться, что же такое неоязычество? Этот феномен можно определить как тип новых религиозных движений или же возрожденные ранее существовавшие древние языческие учения и духовные практики. Также неоязычество можно охарактеризовать как достаточно простую и легко сложенную религию, если проводить сравнительный анализ с мировыми монотеи-

стическими религиозными традициями. Как следует из определения, это политеистическая религиозность: многобожие в соединении с элементами тотемизма, фетишизма, анимизма, магии, а также со специфическими культовыми атрибутами. Язычество уникально в каждом народе, но имеет схожие черты, особенно у родственных народов, например, у поляков, белорусов и украинцев. Можно сделать вывод, что неоязычество — это религия, основанная на политеистической мировоззренческой установке и связанная с ней пантеистической идеей. По словам исследователей европейского язычества и неоязычества Н. Пенника и П. Джонса: «Эта новая религия, получившая имя “неоязычества” или просто “язычества”, в самом широком смысле, по сути, является формой природного мистицизма» [1, с. 15].

Рассматривать современное язычество мы будем на примере Беларуси и скандинавских стран в целях исследования специфики данного религиозного феномена и выявления общего и отличного в процессе современной попытки восстановления древней политеистической традиции на указанных ареалах.

Основная часть. В современной Беларуси важное место занимают необычные для этой местности верования. Если большая часть их представляется как навязанные, недавно зародившиеся, так называемые новые религиозные движения (вроде бахаи, кришнаиты, Свидетели Иеговы), то некоторые стараются обосновать свою идентичность и фундаментальное родство с древнебелорусской дохристианской культурой. Родство в этом случае понимается на подсознательном уровне как некий код, сохранившийся в «коллективном бессознательном» белорусов. Иными словами, люди чувствуют внутреннюю связь с религией своих предков, сохраняют их обычаи и передают их своим детям, даже не совсем понимая семантическую наполненность их.

Говоря о белорусском неоязычестве, следует отметить, что традиционная культура белорусов сама по себе содержит остатки язычества, но вместе с тем неоязычество в каких-то аспектах уникально. Наиболее яркое подтверждение этому можно наблюдать в сельских районах, где элементы языческой практики пронизывают мировоззрение и повседневную жизнь, а также годовой круг сельского жителя. Существование этих элементов в культуре во многом обусловила борьба советской власти на протяжении всего периода ее существования с христианской культурой и мировоззрением. В Беларуси, как и в других постсоветских государствах, после провозглашения независимости республики в общественных науках стала актуальной проблема этнической самоидентификации, что было обусловлено потребностью в развитии идеологии государства. На раннем этапе становления Беларуси как независимого государства, с 1990-х гг., в среде некоторых национально настроенных жителей республики начинает возникать неподдельный интерес к язычеству, которое позиционируют как «истинную веру отцов» [2].

Как утверждает один из самых крупных исследователей неорелигий в восточной Европе, белорусский социолог религии В. А. Мартинович, современные язычники не столько реконструируют восточнославянское язычество, сколько конструируют новую религиозную систему: «...Во всех без исключения случаях в воссоздаваемое язычество осознанно, либо чаще всего неосознанно, привносятся новые компоненты, которые ничего общего с древним язычеством не имеют. Никакой преемственности с последним современные неоязычники не имеют...» [3, с. 104].

Неоязычество в Беларуси является незарегистрированной религией, однако оно существует. В некоторых случаях неоязыческие общины имеют официальную регистрацию, но в качестве нерелигиозных общественных объединений. Согласно В. А. Мартиновичу, в Беларуси неоязычники делятся на два основных типа. Один из них выступает как объединение, борющееся за независимую от других славянских стран самоидентификацию, другой выступает за более тесное славянское единство в рамках восточнославянской цивилизационной идентичности. Если вести речь об институциональном аспекте, то следует отметить, что в Беларуси к неоязыческим можно отнести родноверов, «Орден “Славянский круг”», «Все-ЯСветную грамоту», инглингов и т. д. [3, с. 104].

В чем же, собственно говоря, выражается специфика белорусского неоязычества? Стоит отметить, что современные последователи неоязычества выглядят как обычные люди XXI в., пользуются современными гаджетами, не совершают жертвоприношения. Остаются теми же людьми, что и были раньше, до решения стать последователями новой религии.

Неоязычество в Беларуси с легкостью уживается с особенностями прогресса XXI в., а также мировоззренческими установками христианства и его культом. Так что сейчас в среде людей старшего и даже среднего возраста, живущих в деревнях, которые хоть и считают себя христианами, но часто в их поведении скрыто или явно проявляют себя остатки языческих элементов религиозности. Прежде всего, это касается различных обрядов и системы обыденного мировосприятия (суеверия и т. д.). Все это присутствует на уровне подсознательном и при всей своей эклектичности специфически вплетено в христианский этос. Академик Б. А. Рыбаков в своем известном труде феномен двоеверия даже расценивал как положительный в рамках развития древнерусской и средневековой русской культуры [4]. Хотя, например, дореволюционный исследователь Н. М. Гальковский, описывая представления славянских язычников последующих эпох после Владимирова крещения, отмечал, что «смысл язычества был совершенно ими утрачен: сохранились имена богов, некоторые языческие обряды, но никто уже не знал и не понимал их значения» [5, с. 126].

При этом присутствует новое поколение — сознательные неоязычники. Возвращаясь к старой традиции, они возрождают ее, но не в первоначальном виде, а привносят в нее что-то новое, исследуют и приспособляют к нашему современному миру и стилю жизни.

Что касается неоязыческого пантеона, то современные язычники верят в традиционных славянских богов, духов и других сверхъестественных ипостазированных существ, но боготворят больше тех, которые

близки им по духу, которых они могут ощутить в своем субъективном духовном опыте: Небо и Земля, Сонейка и Месяц, Зара, Пярун, Вяле, (Влес, Велес), чёрт, также немаловажно существование Ирия-рая (по-белорусски — Вырай). Как оказалось, язычество — гибкая система: с течением времени боги передвигались в своей иерархии, получали новые наименования, а их функции переходили от одного к другому [6, с. 21—26].

Магия язычества заключается не в жестах, алхимии и огненных шарах, а в простом взаимодействии с окружающим миром: угоститься кутьей, поднять камень, поставить топор на порог. В современном язычестве внимание отводится экологии и окружающей среде, так как считается, что Земля является священной. Также следует упомянуть об особенностях современных языческих обрядов. Задача современных язычников состоит в том, чтобы сохранить традиции определенного обряда, но и в то же время приспособить к современности.

В настоящее время неоязычество набирает обороты не только в восточно-славянских странах, но и в скандинавских. Рассмотрим данный феномен на примере Норвегии и Исландии. В последней, например, самым ярким неоязыческим культом является Асатру (начало свое и источник его приверженцы черпают из древнескандинавских саг) [1, с. 16].

Говоря о «скандинавском язычестве» в Норвегии, можно отметить, что, как и во всех странах Европы, обращение в христианскую веру нередко происходило не без элементов принуждения и насилия, так как новая вера была им чужда и не сразу прижилась среди людей. Следовательно, не все люди принимали ее, а оставались верны своим убеждениям и передавали старую народную (язычники — от «языцы» — «народы») традицию из поколения в поколение. Это показывает, как язычество дошло до наших дней и превратилось в неоязычество как в веру современности [1].

Эти страны являются воплощением традиций и истории всем известных викингов, почитателей язычества. Согласно их вере, существует политеизм, каждое природное явление одушевляется, как и на территории Беларуси. Несмотря на языческие корни, Норвегия и Исландия сейчас считаются христианскими (лютеранскими) странами, так как они были обращены в христианство подобно другим странам Европы, а в XVI в. в данном регионе была проведена Реформация по лютеранскому образцу.

Основные составляющие веры: почитание своего внутреннего мира и традиций предков, техника рунического писания, магия тела. Люди в Асатру считаются созданиями некоего верховного бога и существующими вблизи с природным богом. Единство с природой является способом уничтожить границу между реальным и сверхъестественным мирами. Не менее важно в данной религии то, что она признает жизнь после смерти, т. е. ту самую Вальгаллу, известную нам из древнескандинавского фольклора. Таким образом, человек, служивший богам, переходит к ним и может общаться с ними лично.

В наши дни в Исландии разрешено исповедование неоязычества, но оно подстроено под современный мир, например, запрещены жертвоприношения и каннибализм. Совсем недавно в Рейкьявике началось, а на данный момент завершилось строительство храма Тору, Одину и Фригг, куда могут приходиться за молитвой прихожане всех ответвлений скандинавского неоязычества [7].

Таким образом, неоязычество славянской Беларуси и скандинавских стран очень схоже по своей структуре: почитание неодушевленных предметов и существ, существование рая — Ирия и Вальгаллы, приспособление к современному миру и морали общества. Схожесть также прослеживается в обрядах и молитвах; скандинавы используют древний способ письменности — руны, как белорусы — старославянский язык.

Адепты восточно-славянского неоязычества относительно своего пантеона ссылаются на такой источник, как «Велесова книга». При этом следует заметить, что на данный момент абсолютное большинство серьезных ученых (Л. П. Жуковская, О. В. Творогов и А. А. Алексеев, А. А. Зализняк и др.) считают ее подделкой. Можно сказать, что скандинавы опираются на рассказы, песни времен викингов (например, «Старшая Эдда»). Изучив исследования историков, филологов и религиоведов, можно провести параллели в пантеонах [1; 4; 5; 8].

Тор — бог грома. Тор защищает богов и людей от нечисти, злых сил. Тор — один из главных богов, второй после Одина. Атрибутом Тора является молот. Гром, который раскатывается по небу перед приближением грозы, считался звуком его колесницы. Тор соотносится с Перуном. Как и у первого, у Перуна есть свой атрибут — топор или же молот. В славянском язычестве было поверье, что гром вызван тем, что бог мчит на колеснице по небу.

Фрейя — покровительница любви и войн. Фрейя управляет плодородием и жатвой. Фрейя соотносится с Ладой, богиней любви и плодородия.

Хель — богиня царства мертвых. Соответствует Мааре — повелительнице мира мертвых, богине смерти.

Один — главный бог в скандинавском язычестве. Он соответствует Велесу. Велес считается одним из самых высших богов в славянском язычестве.

Наличие пантеона — еще одна схожесть в рассматриваемых религиях. В рамках язычества предусматривается почитание одного высшего бога и огромное количество низших, родственных ему богов, духов, фей и других существ.

Одно из главных отличий — это отношение к язычеству как к новой религии страны. Если в Скандинавии неоязычество уже занимает достаточно высокое место, то в Беларуси никто не стремится буквально возродить и возвысить неоязычество. Как нам представляется, это обусловлено менталитетом

народов, проживающих в этих странах. Еще одно отличие — поведение последователей неоязычества в данных регионах: на востоке Европы больше почитание низших богов и верования в легенды (Папараць-кветка) и дезорганизованность общины, на севере — почет Одину и Тору как главным богам в пантеоне, строительство храмов в силу многочисленности приверженцев.

Заключение. В силу многих причин и в Беларуси, и в скандинавских странах с XX в. набирает обороты такой тип новых религиозных движений, как неоязычество, которое представляет собой не столько возврат к политеистической религии, сколько современное конструирование новой синкретической системы с интерполяцией древних языческих элементов. В скандинавском и белорусском неоязычестве есть много отличного, как и много общего (например, функциональность божеств пантеона).

Скандинавское неоязычество продвигается намного эффективнее, чем на территории Беларуси и других восточно-славянских стран. Учитывая тенденции, можно сказать, что белорусское неоязычество еще долго будет оставаться в зачаточном состоянии своего развития по причине, как нам представляется, довольно сильных позиций, которые сохраняет в белорусском обществе христианство. Язычество в Беларуси вследствие атеистического воспитания многих поколений белорусов, в отличие от Скандинавских стран, воспринимается как пережиток прошлого, как нечто архаичное и не имеющее связи с настоящим, а главное, не имеющее перспективы в будущем, что дает основания большинству людей не воспринимать его всерьез. Хорошо это или плохо, исследователю судить трудно, дабы не выйти за методологические рамки научной объективности. Остается лишь констатировать, что именно христианство в его различных конфессиональных проявлениях (в том числе и с отдельными элементами язычества, особенно в обрядово-культурной его составляющей) оказало значительное влияние на становление культуры и ментального типа белоруса.

Список цитируемых источников

1. Пенник, Н. История языческой Европы / Н. Пенник, П. Джонс ; пер. с англ. Р. В. Котенко. — СПб. : Евразия, 2000. — 448 с.
2. Гурко, А. В. Неоязычество в Беларуси: предпосылки и условия возникновения, организационные формы, перспективы / А. В. Гурко // Неоязычество на просторах Евразии : сб. материалов конф., проведенной ин-том этнологии и антропологии РАН (Москва, июнь 1999 г.) / под ред. В. А. Шнирельмана. — М. : Изд-во ББИ, 2001. — С. 68—80.
3. Мартинович, В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция / В. А. Мартинович. — Минск : Изд-во МинДА, 2015. — Т. 1. — 560 с.
4. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М. : Наука, 1981. — 406 с.
5. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. — Харьков : Епирх. тип., 1916. — 376 с.
6. Шнирельман, В. А. Перун, Сварог и другие: русское неоязычество в поисках себя / В. А. Шнирельман // Неоязычество на просторах Евразии : сб. материалов конф., проведенной ин-том этнологии и антропологии РАН (Москва, июнь 1999 г.) / под ред. В. А. Шнирельмана. — М. : Изд-во ББИ, 2001. — С. 10—38.
7. Короблёв, Л. Традиционные ценности: почему в Исландии строят языческий храм [Электронный ресурс] / Л. Короблёв. — Режим доступа: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/213397-islandiya>. — Дата доступа: 12.04.2019.
8. Королёв, К. М. Скандинавская мифология : энциклопедия / К. М. Королёв. — М. : Мидгард, Эксмо, 2007. — 590 с.

УДК 292.11:791.43

В. Еремич, А. Нестерович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ГРЕЧЕСКИЙ ПАНТЕОН В КИНЕМАТОГРАФЕ: ОТ МИФА ДРЕВНОСТИ К МИФУ СОВРЕМЕННОМУ

Введение. Для религии Древнего мира был характерен политеизм — многобожие. Религиозный человек Древней Греции жил в многомерном мире, наполненном богами, полубогами, духами и т. д. Его мышление было мифологично, сознание полностью проникнуто логикой мифа, оно им питалось, с помощью его проникало в суть бытия, объясняло реальность. Все боги представляли собой некое определенное явление, свойственное природе, обществу или психике человека. При этом олицетворение было на порядок выше, чем у первобытных народов. В образах божеств изображалось то, что было характерно для группы однородных предметов. Примером может быть бог леса. Сначала он представлял собой совокупность духов отдельных рощ и лесов, а затем уже стал повелителем. В дальнейшем происходила персонализация божеств, т. е. они стали получать имена собственные и «биографии» [1, с. 44—46]. Современная мифология отличается от древней, особенно по форме: если древний миф был облечен в слово, выраженное в тексте, то миф современный облечен в видеоряд кинематографа, как наиболее доступную форму передачи информации и смыслов самым широким массам людей, максимально влияющих на них.